

Деревянная шпилька была гладкой и простой, без каких-либо украшений, но на ощупь приятной. Сюй Яньцинъ положил её себе на грудь, затем с трудом, опираясь на ослабевшие руки, немного приподнялся.

Теперь он, наконец, мог разглядеть того, с кем провёл ночь. Мужчина всё ещё спал. Лицо у него было благородное и красивое, кожа — светлая, как драгоценный нефрит. Под носом пробивались лёгкие усики, а на подбородке — короткая, едва заметная щетина.

Сюй Яньцинъ отвернулся и втайне задумался. Этот человек больше не был наивным юным господином; в нём ощущалась утончённость, которая приходит лишь с возрастом.

Вкупе с немного растрёпанным пучком волос и холодной, отстранённой одеждой, Сюй Яньцину показалось, что тот мог быть даосским монахом.

Осознав это, он немного запаниковал. Только-только попав в этот мир, он уже переспал с отрешённым от мирской суеты даосом. И неважно, кто кого соблазнил — Сюй Яньцинъ всё равно чувствовал, что совершил святотатство.

Тем более, этот человек с внешностью, будто из яшмы выточенной, явно сулил большие неприятности. Сюй Яньцинъ даже ещё не успел понять, кем он стал после переселения в этот мир — как он мог позволить себе связаться с кем-то, кого, возможно, и потревожить-то было опасно?

Он долго лежал, дожидаясь, пока боль в теле немного утихнет, затем поспешно потянулся за одеждой, разбросанной на полу, прижал её к себе и начал неуклюже одеваться.

После этого он ещё раз бросил взгляд на спящего на кровати «даоса», с которым у него «всё было», и тут же резко развернулся и сбежал.

— Молодой господин, молодой господин! — стоило Сюй Яньцину выйти из комнаты, как стоявший в углу слуга тут же поспешил к нему.

Ранен был он в весьма деликатное место, и каждый шаг отзывался болью, будто русалка босиком танцевала на лезвиях ножей. Увидев, что слуга подошёл поддержать его, Сюй Яньцинъ облокотился на него, лицо у него было бледным.

Сейчас ему было не до расспросов — он боялся, что мужчина в комнате проснётся. Поэтому поспешно велел слуге как можно быстрее вывести его из двора под покровом ночи.

— Молодой господин... — Му Ю помог Сюй Яньцину забраться в карету, после чего с ужасом уставился на крупные фиолетово-зелёные пятна, расцветшие у него на шее. — Ваш кузен уже покинул поместье, молодой господин...

Юноша с алыми губами и белыми зубами безвольно устроился в карете, прижавшись к плечу слуги. Лицо его было бледным, хрупким, словно бы тонкое стекло, а длинные ресницы, чёрные, как воронье перо, чуть влажные от боли, дрожали. Прозрачные, виноградного оттенка глаза покраснели, придавая всему облику невыразимую жалость.

Глядя на то, в каком жалком состоянии находился его молодой господин, у Му Ю сжималось сердце. Обычно тот был высокомерен и властен, а теперь — такой беспомощный... Му Ю даже не мог представить, что с ним произошло.

Пока он отдыхал, боль в теле Сюй Яньцина немного утихла, но затем он поспешно бежал,

полностью игнорируя побои. Хоть слуга его и поддерживал, пользы от этого было мало — боль усиливалась, становясь почти невыносимой, такой, что в глазах темнело.

Сюй Яньцин с трудом приоткрыл глаза и, собрав остатки сил, прошептал:

— Не возвращайся домой...

И тут же потерял сознание.

Му Ю вздрогнул. Он в панике поднёс палец к носу молодого господина, проверяя дыхание, затем потрогал лоб. После этого тут же приказал кучеру повернуть в другую сторону.

Сюй Яньцину снился сон. Он видел, как в год сдачи вступительных экзаменов сидел в комнате, зарывшись в кипу тестов, в то время как за дверью глухо доносились хриплые крики ссорящихся родителей.

Слушая нескончаемые ежедневные скандалы, Сюй Яньцин чувствовал себя опустошённым — настолько уставшим, что даже дышать было тяжело. Потом он просто позволил себе провалиться в полную темноту.

Му Ю был в ужасе. Он не должен был позволять своему молодому господину пойти на такой постыдный шаг. В итоге тот не только не достиг желаемого, но и попал в беду.

А так как имя его молодого господина было известно едва ли не каждому в столице, Му Ю не посмел звать врача. Ему пришлось красться в аптеку, выносить на себе испытующий взгляд лекаря, купить нужное снадобье и спешно вернуться в поместье.

После всей этой суматохи у молодого господина поднялась высокая температура. Чтобы никто не увидел следов на его теле, Му Ю велел слугам греть воду и оставлять её у двери, а затем сам заносил таз внутрь и обтирал его.

Чистое нижнее бельё оказалось порванным. Всё тело Сюй Яньцина было покрыто синяками и пятнами, выглядевшими пугающе, но не представлявшими серьёзных повреждений. И всё же жар был вызван не только физической болью — возможно, даже больше душевными муками.

—

Та ночь была слишком хаотичной.

На заре, в час мао (между 5 и 7 утра), Инь Яньцзюнь проснулся, потирая ноющий висок. На лице, белом, как нефрит, появилось редкое выражение растерянности. Он приподнялся на кровати, и его пучок, больше не скреплённый деревянной шпилькой, постепенно распался — чёрные волосы, как поток воды, рассыпались по плечам.

Вспоминая события прошлой ночи, Инь Яньцзюнь опустил взгляд — в глазах блеснул холод клинка. Он потянулся к одежде, разбросанной у изголовья, но даосский наряд оказался сильно измятым и испачканным, так что пришлось встать и достать из шкафа новый комплект.

— Ваше Величество, — раздался стук — два лёгких удара в дверь.

Инь Яньцзюнь сидел на краю постели с распущенными волосами и холодно сказал:

— Входи.

Вошедший человек сразу опустился на колени перед ним.

— Этот слуга не сумел уберечь своего господина. Прошу о наказании, Ваше Величество.

— Тогда и стой на коленях, — равнодушно произнёс даос в зелёном, на шее которого алели два-три свежих следа, будто оставленных чьими-то пальцами. Он неспешно подошёл к письменному столу, взял оттуда деревянную шпильку и снова заколол волосы.

При каждом движении ворот одежды задевал царапины, причиняя лёгкую, но заметную боль. Инь Яньцзюнь сел прямо и строго у письменного стола, рука уже тянулась к раскрытой книге, но вдруг остановилась — он опустил глаза, на мгновение погружаясь в редкую задумчивость.

Вэнь Цзин стоял на коленях, не смея пошевелиться. Вчера он нарочно не стал останавливать молодого господина, когда тот ворвался в покои Его Величества. У него были на то личные причины — но он никогда не посмеет рассказать о них Императору.

Лицо Инь Яньцзюня было суровым, с опущенными веками — от него веяло ледяной отстранённостью, державшей всех на расстоянии тысячи ли. Он отложил книгу на стол и, наконец, безразлично сказал:

— Подойди и встань на колени здесь.

Вэнь Цзин поднялся и переместился ближе, опустившись на колени у ног Инь Яньцзюня.

— Где он?

Вопрос прозвучал резко, но Вэнь Цзин сразу понял, что речь о молодом господине, что был тут прошлой ночью.

— Он ушёл ещё до рассвета. Этот слуга не успел его догнать. — В этом дворе Его Величество взял с собой только одного слугу — самого Вэнь Цзина. Ему нельзя было и оставить господина, и погнаться за юношей. Он просто не мог разорваться.

Инь Яньцзюнь долго теребил пальцы, прежде чем поднять руку и коснуться царапин на шее. В памяти всплыло жгучее тепло ладони юноши и приглушённые, полные боли стоны, что он издавал.

Вэнь Цзин с тревогой взглянул на Его Величество, пытаясь угадать выражение на лице, но тот лишь опустил веки и спокойно произнёс:

— Возвращайся во дворец и сам попроси наказания.

— Этот слуга примет наказание, — с поклоном ответил Вэнь Цзин.

—

Во внутреннем дворике Сюй Яньцин спал беспокойно. Где-то на грани сна и яви его разбудила невыразимая ломота во всём теле. Мысли путались, как моток ниток, растрёпанный кошкой, — ни начала, ни конца.

Из-за жара, что терзал его прошлой ночью, казалось, будто его только что вытащили из воды: волосы липли к лицу, тело неприятно прилипало к одежде.

Но больше всего удивляло тупое, жгучее ощущение на затылке. Не сказать, чтобы оно было

мучительным, но и проигнорировать его было невозможно.

Лёжа на постели, Сюй Яньцин укрыл голову подушкой. Прошло немало времени, прежде чем он, тяжело вдохнув, окончательно вышел из мутного, лихорадочного оцепенения.

Если он не ошибался, то... он действительно попал в другой мир. А теперь, постепенно, в голове прояснились воспоминания прежнего владельца тела.

Того тоже звали Сюй Яньцин — он был вторым сыном маркграфа Уаня из Даляна, наследником, что с детства жил во дворце, где всё давалось ему на серебряном блюде. У него был старший брат, уже получивший титул князя Уаня, души не чающий в своём младшем брате.

Такое безусловное обожание сделало прежнего Сюя немного распущенным. Или, выражаясь помягче, свободным в поступках. А по сути — избалованным и высокомерным.

У того Сюя было одно заветное чувство — он страстно, без памяти влюбился в кузена. Родственника по линии матери, госпожи Су. Но у того кузена уже был любимый человек, и прежний Сюй вёл себя... откровенно отвратительно. В какой-то момент, начитавшись запретных повестей, он даже попытался опоить кузена, чтобы добиться с ним брака.

Устав от бесконечных интриг, тот в итоге сам устроил западню: подсунул Сюю чашку с подмешанным снадобьем.

Так и произошла та самая ночь.

А вот кем был даос, оказавшийся в постели вместо кузена — этого Сюй Яньцин по-прежнему не знал.

— Му Ю, заходи, — Сюй Яньцин поднял руку, почесал слегка распухший и тёплый затылок, наконец, с трудом сел на постели и окликнул за дверь.

Му Ю, всё это время стороживший снаружи, поспешно вошёл. Он внимательно оглядел молодого господина с головы до ног, и лишь убедившись, что тот, похоже, цел, немного успокоился.

Если бы с господином что-то и впрямь случилось — маркграф, госпожа, да и сам князь Уань его бы живьём содрали.

— Принеси горячей воды. Я хочу умыться, — Сюй Яньцин чувствовал себя липким с головы до ног, одежда прилипала к коже, вызывая отвращение.

Му Ю кивнул и бросился передавать распоряжения слугам. Те скоро начали носить вёдра за вёдрами с горячей водой, ставя их у двери.

Прогнав всех прочь, Му Ю сам принялся наполнять ванну за ширмой, аккуратно переливая воду из вёдер. После нескольких подходов он, наконец, помог изнемождённому молодому господину забраться в купель.

Лишь оказавшись в горячей воде, Сюй Яньцин почувствовал, как к нему возвращается тепло жизни. Му Ю за его спиной вымыл густые чёрные волосы, и тут заметил на затылке красный след, словно от ногтя.

— Молодой господин, вас шея не беспокоит?

След больше походил на то, что его оставил сам господин, так что Му Ю даже не подумал о том, что он мог быть оставлен тем самым мужчиной из прошлой ночи.

Как только речь зашла о шее, Сюй Яньцин тут же снова почувствовал ту самую жгучую, ноющую боль. Он небрежно взял из ванны тряпку и приложил к затылку:

— Может, аллергия... Потом смажь мазью.

Ночью Му Ю добыл у лекаря средство от ушибов и уже нанёс его на все видимые синяки молодого господина. Но к местам, куда прикоснуться было неловко, он, разумеется, не посмел притронуться. Когда Сюй Яньцин окончил купание, Му Ю молча передал ему мазь.

Сюй Яньцин тихо кашлянул, отвёл взгляд, взял мазь и, краснея, юркнул обратно под одеяло, чтобы справиться сам.

<http://bllate.org/book/12638/1120913>